

Райчел Мид

Райчел Мид

БЕЗМОЛВНАЯ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44
М57

Richelle Mead
SOUNDLESS

Copyright © 2015 Penguin Random House LLC.
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part
in any form. This edition published by arrangement with Razorbill,
an imprint of Penguin Young Penguin Random House LLC.

Разработка серии *С. Шукина*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Мид, Райчел.

М57 Безмолвная / Райчел Мид ; [пер. с англ. Т. Л. Черезовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Жестокие игры).

ISBN 978-5-699-89468-0

Каково это: не слышать голоса родных и близких?

Жители горной деревушки давно глухи. Еще их предки потеряли слух, о чем сложены и записаны легенды. И художница Чжан Цзин — не исключение.

Но если к глухоте все давно привыкли, то как справиться с надвигающейся слепотой? Из-за испарений ядовитых паров из шахт по добыче металла жители деревни начинают терять зрение. Надеяться на помощь далеких горожан бесполезно — алчное правительство и слышать не желает о проблемах.

Остается единственное средство — призвать Бисю, мифических существ в виде крылатых львов. Но правдивы ли древние легенды или всех жителей деревни ждет неминуемая гибель?

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44

© Черезова Т.Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89468-0

Глава 1

Моя сестра вот-вот попадет в неприятности, и у меня всего пара минут, чтобы ее выручить.

Она этого не видит. В последнее время она мало что видит, в том-то и проблема.

«Мазки неправильные, — говорю я ей на языке жестов. — Линии кривые, и часть оттенков ты передала плохо».

Чжан Цзин отступает от своего холста. Изумление на ее лице тут же сменяется отчаянием. Такие ошибки появляются у нее не в первый раз. Чутье подсказывает мне, что и этот не станет последним. Я чуть повожу рукой, предлагая ей передать мне свою кисть и краски. Она колеблется и обводит взглядом студию, проверяя, не наблюдают ли за нами соученики. Они поглощены собственными картинами: их стимулирует мысль о том, что Наставники вот-вот придут оценить нашу работу. Их спешка почти осязаема. Я повторяю свой жест, на этот раз более решительно; Чжан Цзин отдает

свои инструменты и, посторонившись, позволяет мне действовать.

Я стремительно принимаюсь за холст, исправляя ее недочеты, — приглаживаю неуверенные мазки, утолщаю слишком тонкие линии, песком промокаю те места, где тушь легла слишком густо. Каллиграфия поглощает меня — как поглощает любое изобразительное искусство. Я забываю об окружающем мире и даже не особо замечаю, о чем именно говорит ее работа. Только закончив исправления и отступив назад, чтобы оценить результат, я осознаю, какие именно новости она регистрировала.

Смерть. Голод. Слепота.

Еще один мрачный день в нашем поселке.

Мне нельзя на этом сосредотачиваться: вот-вот могут войти Наставники.

«Спасибо, Фэй», — говорит мне знаками Чжан Цзин, а потом забирает инструменты.

Я отрывисто киваю и быстро возвращаюсь к своему полотну у другой стены. Пол сотрясается, возвещая о приходе Старейшин. Я глубоко вздыхаю, радуясь, что снова смогла избавить Чжан Цзин от неприятностей. Однако с облегчением приходит и ужасающая мысль, которую я больше не в состоянии отрицать: моя сестра слепнет.

А это — серьезная проблема в поселке, где никто не слышит.

Необходимо изгнать эти мысли и натянуть на лицо маску спокойствия: мой Наставник приближается, шагая мимо рядов картин. В поселке шесть Старейшин, и каждый обучает не меньше двух подмастерьев. Как правило, каждый Старейшина знает, кто придет ему или ей на смену, но из-за множества несчастных случаев и болезней подготовка дублера становится необходимостью. Некоторые из подмастерьев все еще конкурируют между собой за право стать заменой своему Старейшине, но мне за свое положение можно не тревожиться.

Старейшина Чэнь уже подошел, и я сгибаюсь в низком поклоне. Его темные глаза смотрят мимо меня, на мою работу, зоркие и внимательные, не смотря на его преклонный возраст. Его одежда — синяя, как и на остальных, но туника поверх брюк длиннее, чем у подмастерьев. Она доходит ему почти до лодыжек и украшена пурпурной шелковой нитью. Я всегда рассматриваю эту вышивку, пока он проверяет; мне это не надоедает. В нашей повседневной жизни очень мало красок, так что эта шелковая нить становится ярким, драгоценным пятном. Любая ткань является здесь роскошью, ведь нам с трудом удастся добывать хлеб. Рассматривая пурпурную вышивку Старейшины Чэня, я

вспоминаю старые легенды о королях и аристократах, которые одевались в шелка с ног до головы. Этот образ на мгновение ослепляет меня, унося из студии, а потом я моргаю и неохотно возвращаюсь мыслями к своей работе.

Проверяя мою иллюстрацию, Старейшина Чэнь совершенно неподвижен, его лицо непроницаемо. Пока Чжан Цзин изображала вчерашние мрачные новости, мне было поручено нарисовать недавнюю поставку продуктов, среди которых оказалась удивительная редкость — редиска. Наконец он опускает сцепленные перед собой руки. «Ты передала дефекты кожицы редисок, — говорит он мне знаками. — Почти никто не заметил бы такой детали».

Он отходит проверить работу своего второго подмастерья — девушки по имени Цзинь Луань. Она успевает бросить на меня завистливый взгляд и низко кланяется Наставнику. Нет никаких сомнений в том, кто из нас — любимая ученица, и я понимаю, как ей должно быть досадно, — несмотря на все свои усилия, она не может добиться первенства. Я вхожу в число лучших художников нашей группы, и мы все это прекрасно знаем. Не собираюсь просить прощения за свои успехи, тем более что мне пришлось стольким ради этого пожертвовать.

Я смотрю в дальнюю часть класса, где Старей-

шина Лянь проверяет каллиграфию Чжан Цзин. С таким же непроницаемым лицом, как и у моего Наставника, Старейшина Лянь рассматривает все детали полотна моей сестры. Я замечаю, что за-таила дыхание и волнуюсь гораздо сильнее, чем из-за собственной работы. Стоящая рядом с иллюстрацией Чжан Цзин бледна. Я знаю, сестра напряженно ждет того же, что и я: Старейшина Лянь разоблачит нас, поймет, что мы скрываем правду о зрении Чжан Цзин. Старейшина Лянь задерживается гораздо дольше, чем Старейшина Чэнь у своих подмастерьев, но наконец-то коротко кивает, принимая работу, и переходит к следующей ученице. Чжан Цзин расслабляется.

Мы снова их провели, но я из-за этого не переживаю. Ведь решается судьба Чжан Цзин! Если Старейшины узнают, что у нее портится зрение, она почти наверняка потеряет место подмастерья и будет отправлена в шахты. При одной мысли об этом у меня сжимается сердце. В нашем поселке есть только три профессии: художники, шахтеры и поставщики. Наши родители были шахтерами. Они рано умерли.

Когда проверка заканчивается, наступает время утренних объявлений. Сегодня их делает Старейшина Лянь: она поднимается на помост, благодаря которому всем собравшимся видны ее руки.

«Ваши работы удовлетворительны, — сообщает она. Это — обычное уведомление, и мы все кланяемся. Когда мы снова смотрим на нее, Старейшина продолжает: — Никогда не забывайте о том, насколько важно то, что мы здесь делаем. Вы — часть древней и благородной традиции. Вскоре мы выйдем в поселок и начнем наши ежедневные наблюдения. Я знаю, что все сейчас непросто. Но помните: вмешиваться нам не положено».

Она делает паузу и обводит взглядом всех нас. Мы согласно киваем: эту мысль вбивают в нас не менее усердно, чем наше искусство. Вмешательство отвлекает жителей, нарушает как привычный уклад жизни поселка, так и ведение точного учета. Мы должны быть бесстрастными наблюдателями. Изображение ежедневных новостей стало традицией нашего поселка уже много веков назад, когда все жители лишились слуха. Говорят, что до этого новости выкрикивал городской глашатай или же их передавали устно от человека к человеку. Но я даже толком не знаю, что такое «крик».

«Мы наблюдаем, и мы регистрируем, — еще раз повторяет старейшина Лянь. — Это — священный долг, который мы выполняем уже много веков, и нарушение его вредит как нашему делу, так и поселку. Всем жителям нужны наши записи, чтобы понимать, что вокруг них происходит. А нашим

потомкам понадобятся эти записи, чтобы понимать, как все было устроено прежде. А теперь идите завтракать и не посрамите ваших Наставников».

Мы снова кланяемся и бредем из класса, направляясь в столовую. Наша школа называется «Двор Зимородка»; предки принесли с собой это название из прекрасных далеких стран за горой, оно должно напоминать о той красоте, которую мы создаем в стенах школы. Пусть мы всего лишь запечатлеваем самые элементарные новости (вроде подвоза редиски), но наши работы все равно должны оставаться безупречными и достойными сохранения. Сегодняшние записи вскоре будут выставлены в центре нашего поселка, но сначала нам положен небольшой отдых.

Мы с Чжан Цзин садимся на пол у низкого столика и ждем завтрак. К нам подходят слуги и аккуратно отмеряют порции просяной каши, следя, чтобы всем подмастерьям доставалось одинаковое ее количество. Каждый день мы едим на завтрак одно и то же, и хотя каша прогоняет голод, ощущения сытости не приносит. Однако шахтеры и поставщики получают и того меньше, так что нам надо радоваться.

Чжан Цзин делает перерыв в завтраке.

«Такого больше не будет, — говорит она мне знаками. — Обещаю».

«Молчи», — отвечаю я.

Здесь о таком лучше даже не намекать. К тому же, несмотря на ее решительные слова, на лице у нее отражается страх, и это говорит мне, что она сама им не верит. У нас в поселке все учащаются сообщения о слепоте; причина остается такой же непонятной, как и причина глухоты, поразившей наших предков. Обычно слепнут только шахтеры, что делает надвигающуюся на Чжан Цзин беду еще более таинственной.

Краем глаза я замечаю суматоху, которая выводит меня из задумчивости. Я поднимаю голову и вижу, что остальные подмастерья тоже прервали завтрак: их взгляды устремлены к двери, которая соединяет столовую с кухней. Там столпилось несколько слуг; обычно стольких сразу я не вижу. Как правило, они держатся от нас подальше, памятуя о различии в нашем статусе.

Женщина, в которой я узнаю главную повариху, выходит из двери. Перед ней семенит ногами какой-то паренек. «Повариха» — это не слишком точное именование ее должности, потому что продуктов очень мало и ничего особенного из них не приготовишь. Кроме этого она командует всей прислугой «Двора Зимородка». Меня передергивает, когда она отвешивает парнишке такую оплеуху, что тот падает на пол. Я его и раньше видела — ему

обычно поручают самую черную работу. Между ними идет стремительный обмен знаками.

«...Надеялся, что не попадешься? — вопрошает повариха. — О чем ты думал, когда брал больше положенного?»

«Я не для себя! — отвечает ей паренек. — Это для семьи сестры. Они голодные».

«Мы все голодные! — огрызается повариха. — Это не повод воровать».

Я судорожно вздыхаю, понимая, что случилось. Кража еды у нас одно из самых серьезных преступлений. А то, что его совершил кто-то из наших слуг, которые обычно питаются лучше других сельчан, поражает еще сильнее. Паренек с трудом встает на ноги и отважно встречает гнев поварихи.

«Они — шахтеры, и они болели, — объясняет паренек. — Шахтеры и так получают меньше еды, чем мы, а им еще урезали порции, пока они не работали. Я хотел, чтобы все было по-честному».

Суровое лицо поварихи говорит нам, что ее это не тронуло.

«Вот теперь и можешь присоединиться к ним в шахтах. Здесь вора́м не место. Изволь исчезнуть еще до того, как мы соберем посуду».

Паренек пугается. Его лицо полно отчаяния.

«Пожалуйста! Не отправляйте меня работать с

ними. Простите меня! Я отдам мою порцию взамен того, что взял. Это не повторится».

«Конечно, не повторится», — злорадно утверждает повариха.

Она отрывисто кивает двум самым крепким слугам, и они хватают паренька за руки, чтобы выволочь из столовой. Он пытается высвободиться и протестует, но с двумя справиться не может. Повариха смотрит на это невозмутимо, а мы все изумленно на них глазеем. Когда он скрывается из вида, она и те слуги, которые не обслуживают завтракающих, снова исчезают на кухне. Мы с Чжан Цзин переглядываемся: от потрясения мы забыли все слова. Поддавшись слабости, этот слуга только что сделал свою жизнь значительно более сложной — и опасной. Мало того, что его ждут непривычные трудности в шахте, после наступления темноты ему могут тайно отомстить те, кого разозлил его поступок.

Когда после окончания завтрака мы возвращаемся в студию, все только и могут говорить, что об этой краже.

«Ну надо же! — обращается кто-то ко мне. — Как он посмел отдать нашу еду шахтеру!»

Это говорит Шэн. Как и я, он — один из лучших художников «Двора Зимородка». В отличие от меня, он из семьи, где было много поколений

художников и Старейшин. По-моему, он порой забывает, что мы с Чжан Цзин первыми в семье достигли этого звания.

«Конечно, это ужасно», — отвечаю я нейтрально.

Я не смею выразить свои истинные чувства: на самом деле у меня есть сомнения относительно справедливости распределения продуктов. Я давно усвоила, что сохранить свое место среди подмастерьев «Двора Зимородка» можно, только отказавшись от всякого сострадания к шахтерам — нужно просто рассматривать их как необходимую часть рабочей силы нашего поселка. И только.

«Он заслуживает гораздо более серьезного наказания, чем увольнение!» — угрожающе заявляет Шэн.

Помимо таланта художника Шэн обладает нахальной самоуверенностью, которая заставляет других следовать за ним, так что меня не удивляет, что те, кто проходит мимо нас, согласно кивают. Их внимание заставляет его гордо вскинуть голову, демонстрируя изящные высокие скулы. Большинство девушек вокруг нас признали бы его самым привлекательным парнем, но на меня он никогда особого впечатления не производил.

Надеюсь, это в ближайшее время изменится: в будущем нам предстоит пожениться.